

У истоков создания системы университетского образования в России

Пономарёв Василий Николаевич – канд. филос. наук, доцент. E-mail: vnponomarev.msu@mail.ru
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Адрес: 119991, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

Аннотация. В статье исследуется история становления университетского образования в России в период правления Александра I. Автор анализирует ключевые законодательные акты и уставы российских университетов, созданных в 1802–1805 гг., а также реорганизованного в 1819 г. Петербургского университета. Показано, что в результате деятельности императора и его сподвижников была создана прогрессивная стройная система просвещения и высшего образования. Автор прослеживает, как в результате радикально изменившихся взглядов Александра I в последнее десятилетие его царствования начала меняться и образовательная политика, что выразилось в клерикализации народного просвещения в целом.

Ключевые слова: российские университеты, образовательная политика, Александр I, Министерство народного просвещения, М.А. Магницкий, А.Н. Голицын

Для цитирования: Пономарёв В.Н. У истоков создания системы университетского образования в России // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 144–158.

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-2-144-158>

«Плетью гонят нас к просвещению, плетью наказывают слишком образованных...»

А.И. Герцен

Обзор литературы

Научные исследования истории российского образования, берущие начало со второй половины XIX в., являются одним из важнейших направлений в отечественной историографии. Однако в дореволюционный период, да и в советский, издавались в основном работы по истории отдельных университетов России, и, как правило, к юбилейным датам. Так, в 1855 г. была издана работа С.П. Шевырева «История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855» [1]. По сути, она стала неким образцом для многих последующих исследователей, занимающихся данной проблематикой. Вместе с тем ряд авторов, например М.И. Сухомлинов и С.В. Рождественский, посвятили свои труды исследованию общих проблем истории россий-

ского образования. М.И. Сухомлинов впервые обратил внимание на преемственность просветительских реформ Екатерины II и Александра I, показал связь между организацией народного просвещения, воспитания Франции, Германии, Польши со становлением образовательной системы в России конца XVIII – начала XIX вв. Он также впервые использовал архивные материалы Министерства народного просвещения, журналы Главного правления училищ и др. [2]. Заслуживает особого внимания работа С.В. Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в XVIII–XIX веках» [3]. И хотя он не завершил труд полностью, ему в целом удалось концептуально обосновать создание системы народного просвещения в России. Он подчёркивал, что это прямо диктовалось социальными и политическими интересами государства.

В советский период истории российского образования уделялось значительно меньше внимания. В основном публиковались

работы, посвящённые Московскому университету. Прежде всего, нужно упомянуть двухтомник «История Московского университета» [4], а также работу Т.М. Белявского «Ломоносов и основание Московского университета» [5], вышедшие в 1955 г. к 200-летию со дня его основания. Продолжилась «юбилейная» тема в трудах, посвящённых 150-летию создания Казанского и Харьковского университетов.

В начале XXI в. произошла заметная активизация исследований прошлого опыта организации образования в России. Среди работ на эту тему выделяется четырёхтомная монография Ф.А. Петрова, который на основе источников и архивных документов поднял проблему зарождения и развития системы высшего образования на качественно новый уровень анализа [6]. Он органично связал её с историей создания Министерства народного просвещения, с реорганизацией государственных структур управления Российской империей¹. Весомый вклад в историю вопроса внёс трёхтомный коллективный труд «Очерки истории российского образования: к 200-летию Министерства образования Российской Федерации» [7]. Авторы проделали большую исследовательскую работу, воссоздали целостную картину жизни и деятельности всех министров, возглавлявших данное ведомство. Хорошим подспорьем для исследования настоящей темы является труд «Российское законодательство XIX – начала XX века» в трёх томах, где систематизированы законодательные акты того времени [8].

Нельзя не обратить внимания на солидную монографию А.Ю. Андреева «Российские университеты XVIII – первой половины XIX вв. в контексте университетской истории Европы» [9]. Автор подробно анализирует историю европейских университетов, их кризис и «модернизацию» на рубеже XVIII–XIX вв. Основной посыл работы

А.Ю. Андреева – показать вовлечённость русских университетов в общеевропейский процесс реформ высшего образования. Используя огромное количество источников из различных архивных фондов, автор значительно обогатил данную проблематику.

«Дней Александровых прекрасное начало»

Век XIX в России начинался с Манифеста от 12 марта 1801 г., подписанного Александром I, который сообщал всем «верным подданным» о скоропостижной кончине «любезного Родителя» «апоплексическим ударом». Новый император и самодержец всероссийский заявил, что берёт на себя обязанность управлять народом «по законам и по сердцу» в духе «Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великой». Ещё до восшествия на престол в кругу близких ему по идейным убеждениям людей, составлявших «Негласный комитет», Александр мечтал о том, как он введёт в России конституцию, решит крестьянский вопрос, создаст систему образования, устранил из государственного порядка «личный произвол». Н.М. Карамзин характеризовал состояние России начала XIX века так: «Везде грабят, и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования, и ничего не выходит! Доносят плуты – честные терпят и молчат, ибо любят покой» [10, с. 101]. Будущий царь строил планы создания нового государственного строя на основе «истинного народного духа».

О деятельности «Негласного комитета» стоит сказать особо. Это неофициальный орган, в который входили самые доверенные, знакомые Александру с юности «молодые друзья»: граф П.А. Строганов, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, князь А.А. Чарторыйский. Эти образованные, хорошо осведомлённые о западноевропейском общественно-политическом устройстве, отменно знавшие идеи Просвещения люди внесли существенный вклад в организацию преобразований «безобразного здания государственной администрации» России. Комитет, по сути, являл собой тайный кружок гене-

¹ В первом томе содержится обширная историография темы [6, т. 1, с. 7–103].

рации идей по реформированию государственного устройства, которые затем воплощались в указах, манифестах императора. Инициатором создания комитета и ведущую роль играл в нём граф Строганов. Во время Французской революции он примкнул к якобинцам, стал членом клуба «Друзей Закона». Тайный советник, вице-министр иностранных дел, товарищ министра внутренних дел проявил храбрость во многих сражениях, в том числе в Бородинской битве. По вопросам народного просвещения Строганов предлагал французскую систему учебных заведений, согласно которой «низшие» заведения должны носить общеобразовательный характер, а специальное образование приобретаться в непосредственно примыкающих к ним высших школах. В высшие школы должны зачисляться те лица, которые уже получили общее образование и готовятся к известному поприщу общественной деятельности: морской службе, инженерному, артиллерийскому делу, правоведению. С ним во многом соглашался Чарторыйский, которого во французской системе привлекала строгая иерархичность и подчинённость низших училищ высшим.

Все участники «Негласного комитета» состояли в различных российских масонских ложах: Строганов – в ложе «Великого Востока Франции», Кочубей – «Минервы», «Девкалиона» (член Теоретического градуса), Новосильцев – «Соединённых Друзей». Чарторыйский, масон с юношеских лет, был одним из кандидатов в Великие наместники, о нём просила литовская Великая Ложа «Искреннего Единения» [11, с. 50, 31, 45, 55]. Сам Александр к религии относился в духе масонского учения. Он был убеждён, что у человека должна быть своя «внутренняя церковь», а потому неважно, в каком храме – православном, католическом – он будет молиться и каким путём придёт к Богу. В.О. Ключевский по этому поводу замечал: «При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные компании...» [12, с. 139]. У историков нет

единого мнения, состоял ли Александр в какой-либо ложе вольных каменщиков. Однако известно, что масоны видели в императоре своего единомышленника и покровителя, считая его масоном по духу. Они чтить его, портреты царя занимали в ложах почётное место, о нём слагались песни [13, с. 174]. Но так сложилось, что именно от императора Александра последовал в 1822 г. «высочайший рескрипт» на имя занимавшего в то время пост министра внутренних дел Кочубея о закрытии всех лож в России.

Сановники екатерининской эпохи именовали участников «Негласного комитета» не иначе как «якобинская шайка». Но именно члены этой «шайки», а не престарелые «бабушкины орлы» стали главными сподвижниками, советниками Александра. Они понимали, что Россия, вступая в XIX столетие, не отвечает требованиям времени. Российские государственные органы не имели чётко обозначенной сферы деятельности, границ своих полномочий. Очевидно, что в таком виде осуществлять управление империей было крайне сложно. Поэтому на первый план выдвигалась задача по уравниванию различных сословий перед законом, привлечение их в совместную государственную деятельность, обновление законодательства и как главная государственная задача – просвещение народа с помощью системы образования. Смысл этой идеи состоял в том, что государство должно путём создания «премудрых учреждений» воспитывать послушных подданных, которые своим знанием, умениями крепили самодержавие, а не разрушали, подобно французским просветителям.

Первые шаги правления молодого императора были отмечены такими его действиями, как восстановление исполнения жалованных грамот дворянству и городам, ликвидация тайной экспедиции, восстановление на службе без суда уволенных чиновников и офицеров, освобождение из тюрем и возвращение из ссылок осуждённых, в том числе и «бунтовщика хуже Пугачёва» – А.Н. Радищева. Под страхом неминуемого и стро-

ного наказания было запрещено применение пыток, запрещалось подвергать священнослужителей телесным наказаниям. Было решено открывать частные типографии, ввозить иностранные книги, свободно выезжать за границу.

8 сентября 1802 г. Александр издал манифест об учреждении министерств, которые заменили петровские коллегии. Всего их было создано восемь, в том числе Министерство народного просвещения. Министерства строились на началах единоличной власти и ответственности, министры назначались императором и были подотчётны только ему. Новому Министерству народного просвещения в значительной мере удалось осуществить положение указа от 8 января 1803 г., который устанавливал четыре разряда училищ: 1) сельские приходские, 2) уездные, 3) губернские училища или гимназии, 4) университеты. Первым министром народного просвещения стал граф В.П. Завадовский [14, с. 10–52].

Согласно указу от 24 января 1803 г. «Об учреждении учебных округов с назначением для каждого особых губерний» империя была разделена на шесть учебных округов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский. В результате была установлена достаточно чёткая бюрократическая система, когда низшие звенья образования строго подчинялись высшим. Так, приходские училища подчинялись смотрителю уездного училища, они, в свою очередь, директору гимназии, гимназии – ректору университета, а университеты – попечителям округов. Для контроля над университетом в каждый округ назначался попечитель из числа членов совета Министерства народного просвещения. Попечителем Московского учебного округа был назначен М.Н. Муравьев, Петербургского – Н.Н. Новосильцев, Виленского – А.А. Чарторыйский, Харьковского – С.О. Потоцкий, Казанского – С.Я. Румовский, Дерптского – Ф.И. Клингер.

В период с 1802 по 1805 гг. были открыты Дерптский, Виленский, Харьковский, Ка-

занский университеты, а в 1819 г. Главный педагогический институт в Петербурге был реорганизован в университет. «Утвердительная грамота» Московского, Харьковского и Казанского университетов была подписана Александром 5 ноября 1804 г. Одновременно с грамотой был издан общий устав для этих университетов. К обоим документам давалось пояснение, что они «буквально между собой согласные». Уставы утверждались для каждого университета, «но они также заключают в себе одно и то же», хотя есть статьи Харьковского и Казанского университетов, которые отличались от статей устава Московского.

Торжественное открытие Императорского Дерптского университета прошло 21 апреля (3 мая) 1802 г. В декабре того же года Александр подписал «Акт постановления для Императорского университета в Дерпте», в сентябре 1803 г. им был утверждён устав университета. В отличие от других названных университетов, это учебное заведение являлось особенным в российской системе высшего образования. Университет был в основном немецким – как по составу преподавателей, так и по контингенту студентов. В университет также принимались люди всякого звания и состояния, русские подданные и иностранцы. Преподавание велось на немецком языке. Согласно уставу университету предоставлялась полная автономия, включая гражданскую и уголовную юрисдикцию. Университет также имел «свою внутреннюю расправу и начальство» над всеми подчинёнными и их семьями. Поскольку дворянство пожертвовало на университет крупную сумму денег, то ему дали право участвовать в его управлении, выбирать из дворян кураторов, которые заведовали хозяйственной частью университета. Университет имел собственную цензуру, выписывал из-за границы необходимые книги. Первым ректором университета был выпускник Высшей школы Штутгарта Г.Ф. Паррот. До приезда в Россию он преподавал в Германии, Франции. Почти четверть века он занимал должность

профессора физики Дерптского университета. В 1826 г. его избрали академиком Петербургской Академии наук.

«Акт утверждения для Императорского Университета в Вильно» от 4 апреля 1803 г. сообщал, что необходимо «обеспечить навсегда существование древнего Университета Виленского, основанного в 1578 году...». Как высшее учебное заведение «Академия и университет виленский Общества Иисуса» были основаны по инициативе и при непосредственном участии иезуитов. Находилась академия на территории Великого Княжества Литовского, в Вильно. Король Речи Посполитой С. Баторий ходатайствовал перед Папой Римским Георгием XIII об открытии этого учебного заведения, на что получил разрешение. Изначально академия состояла из философского и теологического факультетов. В 1641 г. в её состав вошли юридический и медицинский факультеты, в 1753 г. она пополнилась ещё двумя факультетами – физическим и астрономическим, была открыта обсерватория. Пост ректора занял П. Скарга, поляк по происхождению, католический теолог, видный деятель контрреформации в Речи Посполитой. Он обучался в Краковской академии, где получил степень бакалавра философии, затем в Вене и Риме, там же вступил в Орден иезуитов. Скарга являлся сторонником унии между католической и православной церквями. Согласно «Акту утверждения» в юрисдикцию университета были переданы образовательные учреждения восьми губерний Российской империи: Виленской, Гродненской, Минской, Могилёвской, Витебской, Волынской, Подольской и Киевской. Университет как центр Виленского учебного округа не только включал в себя обширную территорию, но и был самым богатым из всех российских университетов. Он имел право распоряжаться имениями, принадлежащими в своё время Виленской академии, а также иезуитскими фондами. Помимо штатных средств в казну университета поступали пожертвования от разных лиц, в том числе от Александра I,

60 тыс. рублей в 1811 г. Количество студентов, обучавшихся в университете, быстро росло. Если в 1804 г. их было около 300, то к 1830 г. их число составило более 1300.

В основу «Акта утверждения» университета были заложены разработанные Министерством народного просвещения положения «Акта постановления» Дерптского университета. Точнее сказать, статьи этих двух документов, если не учитывать незначительную редакцию, практически полностью совпадали. Акт Дерптского университета, по сути, стал не только источником для Виленского университета, но и основой Устава 1804 г. Таким образом, средневековая немецкая система организации и функционирования университетов становилась нормой для последующих, вскоре созданных российских университетов. Правда, с весьма существенной поправкой, а именно: их деятельность была поставлена под строгий контроль государства.

К 1804 г. университет состоял из четырёх факультетов: физико-математического, медицинского, нравственно-политического и филологического, которые объединяли в себе 32 кафедры. Преподавание велось по 52 предметам. Структура университета была аналогична структурам других российских университетов, с тем, однако, различием, что в нём был сохранён факультет богословия, преобразованный благодаря Чарторыйскому в Главную семинарию. В этом же учреждении в течение четырёх лет получали высшее богословское образование представители католического духовенства, причём как латинского, так и греческого обрядов. Выпускники предназначались для занятия высших постов в системе управления католической и униатской церковью. Содержалась семинария за счёт католических монашеских орденов, а также униатов-базилиан. Хотя по уставу семинария входила в организационную структуру университета и подчинялась ректору, однако отбор, воспитание студентов осуществлялись в традициях закрытого католического заведения. Семинария носи-

ла строго религиозно-клерикальный характер. В 1828 г. правительство приняло постановление, согласно которому обучение греко-католических студентов в университете было прекращено.

В 1823 г. в университете прошёл процесс по делу тайных обществ, в частности общества филоматов, созданного по инициативе А. Мицкевича в октябре 1817 г. Первоначально деятельность общества была связана с обсуждением прочитанных книг и собственных сочинений. Однако к 1819 г. общество приобрело более политическую окраску. Было арестовано и предано суду более 100 человек, 20 из них были осуждены, часть выслана в разные города России. Чарторийский был смещён с поста попечителя, его место в апреле 1824 г. занял Н.Н. Новосильцев, по распоряжению которого были произведены аресты. В августе 1824 г. были уволены из университета и высланы из Литвы три профессора, протоиерей и библиотекарь. Недавний либерал заговорил иным языком. Он стал признавать устройство российских университетов «республиканским», а потому не соответствующим общим государственным установлениям России. 1 мая 1831 г. Николай I рескриптом упразднил университет, а учебный округ расформировал. Главной причиной, побудившей императора принять такую меру, послужило непосредственное участие многих студентов и части преподавателей в Польском восстании 1830–1831 гг.

Императорский Харьковский университет был открыт 17(29) января 1805 г. Он состоял из отделений словесных наук, нравственных и политических наук, физических и математических наук, включающих 25 кафедр. Первый состав преподавателей насчитывал 47 человек, 19 из них были иностранцами. Но уже к 1815 г. большинство иностранных преподавателей вынуждены были оставить университет, а в следующее 20-летие их было менее четверти от общего числа преподавателей. Первый набор студентов проходил крайне затруднительно. Всего поступили на учёбу 57 человек. Почти все они

были выпускниками Харьковского коллегия и Белгородской духовной семинарии и числились не студентами, а только вольнослушателями. Первым ректором Харьковского университета стал И.С. Рижский – писатель, филолог, доктор философии, профессор, член Российской академии наук. Он принимал активное участие в создании университета, возглавлял кафедру красноречия, стиховорства и языка русского. Но инициатива и главная заслуга в основании университета принадлежит харьковскому дворянину В.Н. Каразину. Этот человек обладал незаурядными организаторскими способностями. Круг его научных интересов был очень широк: химия, астрономия, метеорология, агрономия. Будучи руководителем дел Главного правления училищ, он внёс значительный вклад в подготовку проектов университетских уставов. Также много сделал для становления университета попечитель Потоцкий, щедрые пожертвования которого во многом способствовали его развитию. Историк русского просвещения академик М.И. Сухомлинов писал о Потоцком, что его можно назвать идеалом попечительства и достойным вождём университета.

В «Утвердительной грамоте» Казанского университета говорилось: «Предположив сообразно степени просвещения настоящих времён в сём самом месте учредить Университет... и даровать ему возможность к достижению важного назначения – образования полезных граждан на службу отечества и распространения в нём нужных познаний» [8, с. 71]. Создавались четыре отделения: нравственных и политических наук, физических и математических, медицинских (врачебных) и словесных наук. Структура университета была аналогична Харьковскому, но в отличие от него к отделению словесных наук добавлялась кафедра восточных языков. Штат преподавателей должен был состоять из 28 профессоров, 12 адъюнктов и трёх учителей «приятных искусств». Но хорошо было на бумаге, а на деле никаких отделений, кафедр как таковых не суще-

ствовало. К началу 1805 г. с трудом удалось набрать лишь 33 студента из числа воспитанников высших классов Казанской гимназии. С самого начала образования университета складывалась внеуставная система подчинения учебных заведений: не гимназия состояла при университете, а университет подчинялся руководству гимназии, представляя собой её филиал. Руководство гимназией и университетом осуществлял «профессор-директор» И.Ф. Яковкин. В течение почти 10 лет устав в полном объёме так и не был задействован. За отсутствием отечественных профессоров (за это время лишь несколько учителей были переведены в адъюнкты) приглашались в основном иностранные учёные.

После смерти попечителя Казанского учебного округа и инициатора открытия Казанского университета С.Я. Румовского в сентябре 1812 г. на пост попечителя Казанского университета назначается М.А. Салтыков. Он энергично взялся за приведение учреждения в «статусное состояние». Результаты его практической деятельности, начиная с хозяйственных вопросов и до организации учебного процесса, управления университетом, сказались скоро. Правда, меньших успехов удалось достичь в части «процветания наук». В самом начале своей деятельности Салтыков передал управление университетом его Совету. Из-за нехватки профессоров пришлось разрешить замещать вакантные места не по своей специальности в половину жалования. В сентябре 1813 г. в университете прошли первые выборы ректора и деканов. Место ректора занял доктор медицины, профессор анатомии, физиологии и судебной врачебной науки И.О. Браун, получивший образование в Венском университете. Салтыков, проявляя усердие и настойчивость, добивался, по существу, открытия университета на основании Устава 1804 г. Это событие по праву можно считать главным делом Салтыкова за время его попечительства. Однако плодотворные начинания были нарушены назначением в 1816 г. на пост министра народного просвещения А.Н. Голицына.

Князь Голицын, говоривший о себе, что он ни во что не верит, не читал Священного Писания и не способен отличить православие от других конфессий, до конца жизни принимал участие в спиритических сеансах и занятиях оккультизмом. Он одновременно возглавлял Главное управление дел разных исповеданий, пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода и осуществлял руководство Библейским обществом. Главная задача этой внеконфессиональной христианской организации заключалась в издании и распространении Библии на территории империи без каких-либо «примесей и пояснений», на разных языках и бедным «без всякой оплаты». С 1813 по 1826 гг. обществом было издано около 500 тысяч экземпляров Библии и Нового Завета на 41 языке народов, населяющих Россию. При этом общество оказывало содействие одному из крупнейших деятелей российского масонства А.Ф. Лабзину в издании, минуя духовную цензуру, «Сионского вестника», основателем которого он был.

Вступив в должность министра, Голицын в первую очередь объединил Главное управление духовных дел Святейшего Синода с Министерством народного просвещения в одно учреждение – Министерство духовных дел и народного просвещения, став во главе этого ведомства. Соединение двух разных по своему назначению учреждений преследовало далеко идущую цель – «... дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения», как сказано в Высочайшем манифесте от 24 октября 1817 г. [8, с. 134]. А.Т. Павлов справедливо пишет: «Гонения на философию развернулись после назначения в 1816 г. на должность министра народного просвещения князя А.М. Голицына ... началось такое гонение, которое принесло к исключению из университетов всех сколько-либо самостоятельно мыслящих профессоров» [15, с. 107].

Ревизовать Казанский университет Голицын поручил М.Л. Магницкому, одному из самых активных членов Библейского обще-

ства с полномочиями попечителя, приверженцу «акта Священного Союза», построившему на его началах свою карьеру на поприще народного просвещения. При этом сам Магницкий признавался в том, что какое-то время был членом масонской ложи «Полярная Звезда» [16, с. 463]. Этот ревностный поборник принципа «благочестие – единое основание народного просвещения» командировался в университет с составленной им инструкцией, согласованной с Голицыным и утверждённой Александром. Воспитывать «верных сынов Православной Церкви и верных подданных Государю», формировать у них «покорность и послушание» Магницкий начал с изъятия «вредных книг» из университетской библиотеки, часть из которых по его указанию была сожжена, и установления жёсткого режима для студентов. Теперь провинившегося воспитанника наказывали особым способом – на него надевали хламиду, а затем отправляли в карцер. Предписывалось, чтобы студенты еженедельно в положенное время вместе с инспектором отправляли должные молитвы. Надзиратели обязаны были постоянно находиться в комнате со студентами, не допускать к ним посторонних посетителей, запрещать вредные чтения и разговоры, сообщать в полицию об их поведении вне университета. Отныне определялось, что в «преподавании всех наук в Университете должен быть дух Святого Евангелия». При этом ректор университета должен был строго наблюдать за тем, чтобы дух вольнодумства «ни открыто, ни скрытно не мог ослабить учения церкви в преподавании наук философских, исторических или литературы». Ему также надлежало «иметь достоверные сведения о духе университетских преподавателей, часто присутствовать на их лекциях, временами рассматривать тетради студентов, наблюдать, что не прошло что-нибудь вредное цензуре». Предписывалось, что основанием философии должно служить Священное Писание, философское учение Платона и славных его последователей. «Нравственность сей науки должна

быть чиста, почему преподаватель обязан с отвращением указать на правила Маккиавелля и Гобса». Надлежало изучать Платона, Аристотеля, показав «источник сих начал в Моисее, Давиде, Соломоне, в Пророках и Апостолах, или лучше в самом Верховном Законодателе нашем...». Профессорам естественных дисциплин вменялось на всём продолжении курса указывать на «премудрость Божию и ограниченность наших чувств и орудий для познания непрестанно окружающих нас чудес» [8, с. 154–156].

По прибытии в университет Магницкий уволил 11 преподавателей, которые, по его мнению, вели занятия не на началах благочестия. Среди изгнанных был декан отделения нравственных и политических наук, профессор кафедры права древнейших и новых знатнейших наук Г.И. Солнцев, читавший курс по естественному праву. Магницкий самостоятельно проверял тетради студентов с записями лекций Солнцева, выискивая в них «дух вольнодумства и лженауки». Он счёл, что в лекциях Солнцев «опровергает совершенно все основания общества и церкви», и передал дело в университетский суд [17, с. 59]. После почти двухлетнего разбирательства суд так и не вынес приговора. Тогда Магницкий вынес своё решение: «А как он, г. Солнцев, разрушающими началами не сообразными с гражданским порядком и явно противными Священному Писанию оскорбил Духа Святого Господня которым он знаменовал и запечатлел в день избавления им крещения, и власть общественную, то общее присутствие мнений полагаем удалить навсегда от профессорского звания и впредь никогда ни к какой должности во всех учебных заведениях не определять» [18, стб. 1317–1337].

Особенно Магницкий неистовствовал по отношению к кафедре философии. Дело доходило до того, что Магницкий распорядился вывесить над дверью кафедры вывеску со словами Св. Павла: «Смотрите, братья, чтобы никто не увлёк вас философию...». Кафедра философии Казанского университета – ровесница университета. Она имено-

валась кафедрой умозрительной и практической философии и входила в состав отделения нравственных и политических наук. В философию входили: метафизика, история философских систем, логика и психология. Кафедра относилась к числу «приготовительных» наук, которым должны учиться все, независимо от того, какую службу избирали. Первым место на кафедре занял А.С. Левицкий в звании адъюнкта «умозрительной и нравственной философий», выпускник Рязанской духовной семинарии и Московского университета. Левицкий был переведён из Казанской гимназии, где он читал логику и метафизику. В конце августа 1820 г. Магницкий докладывал министру просвещения, что философия в университете стала соответствовать Священному Писанию, при этом отмечал, что всё ещё остаётся «необузданной одна наука философская – естественное право». Однако вскоре сообщит, что в Казанском университете все науки преподаются в «духе святого евангельского учения», а потому вольнодумство, ранее скрывавшееся, «удаляется от сего жилища наук, где обитает страх Божий» [19, с. 196–197].

М.А. Магницкий считал, что философию следует полностью исключить из учебных программ, поскольку нет никакого способа излагать эту науку согласно с учением веры, ибо философия, по его мнению, «может только облекать ереси в новые формы», и «отравленные философией» науки помогают готовить в России заговор против Бога, против Царя [20, с. 434]. Позднее он повторил свои выпады в адрес философии, но в более развёрнутом виде: «Все учения философские отрицательные, или что одно и тоже разрушительное, имеют общим началом господство человека, а скоро человек приносит в себя самовладыкою, то он тем самым есть уже бунтовщик против Бога и против всякой власти, Богом установленной...» [17, с. 169]. Н.П. Загоскин так характеризовал эту эпоху: «Массовые увольнения негодных Магницкому профессоров, признанных им неблагонадёжными, с заменой их

попечительскими креатурами, фарисейская благонамеренность, часто скрывающая под своей личиной невежество и нравственные недостатки; развитие лицемерного ханжества среди учащихся и учащихся, запрещение одних наук и ограничение в преподавании других рамками узких и тенденциозно составленных программ» [21, с. СХХVIII].

В 1819 г. Россия пополнилась Петербургским университетом в результате реорганизации Главного педагогического института. Университет состоял из трёх факультетов: философско-юридического, историко-филологического и физико-математического. Философско-юридический факультет состоял из кафедр теоретической и практической философии, теории уголовного права, естественного, публичного и народного, российского гражданского и уголовного права и судопроизводства, российского права, политической экономии.

Объём и содержание учебных курсов не отличались от других российских университетов. Основой преподавательского состава являлись воспитанники Педагогического института. Руководство университетом осуществлял ректор, избираемый ежегодно профессорами из их среды. Однако была сохранена и должность директора, в обязанности которого входил контроль за внутренней деятельностью университета. Срок обучения в университете составлял три года. Доступ к занятиям был открыт и своекоштным студентам, которые, собственно, и составили первый набор. К этим студентам были присоединены не окончившие ещё курса казённокоштные воспитанники института в количестве 70 человек. Первый выпуск университета составил лишь 26 человек. Из своекоштных студентов окончили курс четыре человека, из казённых студентов – 22.

В 1823 г. С.С. Уваров отказался от должности попечителя учебного округа, а его место занял Д.П. Рунич, который не уступал М.А. Магницкому в борьбе с вольнодумством. «Зачистку» университета новоиспечённый попечитель, переводчик трудов Ди-

дро, активный член Библейского общества, Главного правления училищ министерства, «твёрдый масон» начал с увольнения 11 профессоров. Он обвинил их в том, что профессоры читают лекции не в духе христианства, а сеют «противохристианскую проповедь». Среди изгнанных был профессор философии А.И. Галич, автор книги «История философских систем», вышедшей в свет в двух частях в 1818 и 1819 гг.

В 1808 г. Галич был направлен для обучения в Германию. Особый интерес в этот период он проявлял к философии Шеллинга. В 1813 г. защитил диссертацию на кафедре философии Педагогического института и в 1817 г. занял место экстраординарного профессора кафедры философии. Помимо указанной выше книги, к наиболее значительным трудам Галича относятся эстетический трактат «Опыт науки изящного» и работа по философской антропологии «Картина человека». По А.И. Галичу, антропология есть основа всех других философских дисциплин. На его взгляд, это возможно, если понимание сущности человека будет носить принципиально целостный характер, исключаящую любую односторонность. Данное требование можно реализовать, согласно Галичу, только при религиозно-метафизическом подходе, выделяющем в человеческой природе две составляющие: «первоначально-тварное» и «производное», собственно человеческое. Обе книги были написаны и опубликованы уже после его отстранения от преподавательской работы.

В сентябре 1821 г. Д.П. Рунич докладывал министру, что Галич в книге «История философских систем» «открыто проповедует систему, по которой... разуму приписывается способность познавать вещи как они действительно сами по себе суть» [22, с. 146]. Это положение, по его убеждению, является прямым посягательством на веру, ибо только Божественному откровению открывается суть вещей. В начале ноября 1821 г. попечитель организовал собрание университета, на котором Галич был обвинён в безбожии,

в разрушении нравственных устоев, общественного порядка, революционных настроениях и т.п. Содержание книги собрание признало вредным и постановило «изъять из употребления», ибо автор в ней открыто предпочитает «язычество христианству, распутную философию девственной невесте христовой церкви, безбожного Канта самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому» [19, с. 196].

В опалу попал и А.П. Куницын – профессор права, одна из самых ярких фигур не только среди профессорского сообщества университета, но и среди наиболее видных просветителей России того времени. Он родился в семье сельского священника. После окончания Тверской духовной семинарии был принят в Петербургский педагогический институт. Как лучший выпускник этого учебного заведения был направлен на стажировку в Германию, где слушал лекции в Гёттингенском и Гейдельбергском университетах по юридическим, философским и политическим наукам, самостоятельно прослушал курс юриспруденции в Сорбонне. С 1811 по 1820 гг. Куницын преподавал в Царскосельском лицее курс, состоявший из 12 предметов. Он утверждал: «Наука только тогда имеет совершенный вид, когда все положения оной составляют непрерывную цепь и одно объясняется достаточно другим» [23, с. II].

19 октября 1811 г. на торжествах по случаю открытия лицея в присутствии Александра I А.П. Куницын произнёс речь, определив её как «наставление воспитанникам». Он говорил о значении образования, об обязанностях гражданина, призывал юных лицейстов «не смешиваться с толпой поглощаемых ежедневно волнами забвения, оценивать самих себя по заслуженным достоинствам, но не приобретённым от рождения». Наставление А.П. Куницына, по сути, носило программный характер по лицейскому воспитанию и получило одобрение императора. Лицейсты называли Куницына «пламенным профессором». Они высоко ценили его про-

фессиональные и человеческие качества. А.С. Пушкин в знак благодарности посвятил ему строки:

*Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...*

В своих сочинениях «Изображение взаимной связи государственных сведений» (1817 г.) и «Право естественное» (1818–1819 гг.) он особое внимание уделял теории естественного права и общественного договора, значение которых усматривал прежде всего в защите прав и свободы человека. Сохранение свободы, по Куницыну, есть общая цель всех людей, которая достигается только соблюдением взаимных прав и точным исполнением обязанностей. Он осуждал всякое преследование и гонения, в том числе религиозные, как «противозаконное насилие». Важную роль в общественной жизни А.П. Куницын отводил нравственной философии, началом которой служит для него этика и правовая теория. Этика, согласно учёному, формулирует «законы внутренней свободы», а правовая теория фиксирует правовые нормы – «законы внешней свободы», или законы права. Эти взгляды Д.П. Рунич счёл не только опасными, но и разрушительными по отношению к вероучению и достоверности Священного Писания, оценив их как набор «антимонархических нелепостей». Отзыв Рунича на книгу учёного «Право естественное», переданный им в Министерство, был резко отрицательным. В феврале 1821 г., «по рассмотрении в Главном правлении училищ этой книги, – писал министр народного просвещения, – найдено нужным по принятым в ней за основание ложным началам выводимому из них весьма вредному учению, противоречащему истинам христианства и клонящемуся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как вредную, запретить повсюду к преподаванию по ней» [19, с. 205]. Книга была изъята

из продажи, а профессору А.П. Куницыну запретили преподавательскую деятельность.

Первым ректором университета в 1819 г. был избран правовед, экономист М.А. Балугьянский. Он родился в Венгрии в семье униатского священника. Окончил юридический факультет Венского университета, являлся профессором академии в Гросвардене, доктором права Пештского университета. В 1804 г. был приглашён в Россию и назначен деканом философско-юридического факультета, профессором кафедры политической экономии Петербургского педагогического института. В октябре 1821 г. М.А. Балугьянский выступил против действий Рунича, встал на защиту своих профессоров, но воспрепятствовать их увольнению не смог. В знак протеста он оставил пост ректора. Уже будучи рядовым профессором, на заседании конференции университета во время обсуждения вопроса об увольнении профессоров он заявил, что редакция протокола искажена, «голоса условные присоединены к безусловным, иное вставлено, перетолковано составителями протоколов». Но голос М.А. Балугьянского услышан не был.

Заключение

С началом правления Александра I в России произошли значительные положительные сдвиги в области народного просвещения. Именно в это время была заложена основа стройной системы российского университетского образования. Университетский устав 1804 г. носил в известной мере демократический характер. Правда, и он требовал, чтобы профессора при подготовке лекций должны были предоставлять на рассмотрение Совета университета свои книги, а также другие использованные источники. Но до 1814 г. ни одного случая запрета использовать те или иные источники, или случаев отстранения профессоров от преподавания из-за претензий к содержанию лекций не было.

События 1820-х годов, связанные с «преобразованием» университетов, носили

знаковый характер. Власти обскурантов и мистиков удалось прервать традиции, заложенные М.В. Ломоносовым, для которого наука всегда являла «ясное познание истины и просвещение разума». Главной причиной нового умонастроения Александра I, резкого поворота его политической линии явились Отечественная война 1812 г., заграничный поход русской армии в 1813–1815 гг. и восстановление Семёновского полка в 1820 г. «Пожар Москвы, – говорил Александр I прусскому епископу Эйлерту, – просветил Мою душу... наполнил Моё сердце такою теплотою веры, какой Я до тех пор не ощущал. Тогда Я познал Бога, как его открывает Святое Писание; с тех пор только Я понял волю и закон Его, и во мне созрела твёрдая решимость посвятить Себя и Своё царствование Его Имени и славе» [24, с. 1]. С этого времени монарх начинает стремительно клерикализовать народное образование. С 1819 г. во всех низших школах России помимо уроков Закона Божия вводилось чтение Священного Писания, в училищах отменялись предметы по естествознанию.

Открытие университетов с целью подготовки образованных подданных, защищающих самодержавие, обернулось проблемой для верховной власти, которая уяснила для себя, что чем образованней народ, тем более он независим. Отныне университеты признавались «республиканскими» по духу, очагами «нравственного разврата», революционных настроений, а философия – главной виновницей, сеящей «духовную заразу», нарушая тем самым государственные устои. В целях недопущения распространения вольнодумства Александр I в 1815 г. выступил с инициативой создания «Священного Союза». Документ этой организации – «Трактат Братского и Христианского Союза» сводился к мысли о том, что власть государя – божественного происхождения, а посему она законна. Союз, по существу, преследовал одну цель – на основе клерикально-монархической идеологии насильственно подавлять всякие формы неповиновения,

сохранять существующий строй с его абсолютистско-клерикальными устремлениями. Реорганизация Министерства народного просвещения в «сугубое» министерство – это практическая реализация того, что выражено в акте Священного Союза лишь общими чертами. Именно этот факт явился первым признаком надвигающейся в России реакции. Политическая цель императора была окончательно определена, а потому правительству предписывалось «направить народное воспитание к водворению... постоянного и спасительного согласия между верой, ведением и властью...» [25, с. 321–322].

В прошлое уходило время «славных деяний» императора Александра I, в России наступала «эпоха александровского мистицизма», ставшая основой крайне консервативной политики.

Литература

1. *Шевырёв С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым: 1755. М.: Университетская типография, 1855. 584 с.
2. *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в царствование императора Александра I. Т. 1, 2. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1866. Т. 1. 164 с.; Т. 2. 220 с.
3. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. Т. 1. 680 с.
4. История Московского университета: В 2 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. Т. 1. 563 с.; Т. 2. 456 с.
5. *Белявский Т.М.* Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 312 с.
6. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 816 с.; Т. 3. 479 с.; Т. 4. 464 с.
7. Очерки истории российского образования: к 200-летию Министерства образования Российской Федерации: В 3 т. М.: Изд-во Московского гос. ун-та печати, 2002. Т. 1. 352 с.; Т. 2. 315 с.; Т. 3. 228 с.

8. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX века: В 3 т. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. Т. 1. 832 с.
9. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX вв. в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 648 с.
10. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. 127 с.
11. Платонов О.А. Исторический словарь российских масонов XVIII–XX веков. М.: Арина, 1996. 126 с.
12. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: ЭКСМО, 2008. 534 с.
13. Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. 490 с.
14. Хотеев В.Ф., Чернета В.Г. Первый министр народного просвещения Российской империи // Очерки истории российского образования: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУП, 2002. 352 с.
15. Павлов А.Т. Философское образование в Российской империи. М.: Издатель Воробьев, 2017. 380 с.
16. Семевский В.И. Декабристы. Масоны // Минувшие годы. 1908. № 5–6.
17. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования 1804–1904. В 4 т. Казань, 1902–1904. Т. 2. 727 с.
18. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование имп. Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. 909 с.
19. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т. СПб.: А.С. Суворин, 1889. Т. 1. 671 с.
20. Чумиков А.А., Чумиков А.П. Михаил Леонтьевич Магницкий. Новые данные и его характеристики. 1829–1834 // Русская Старина. 1875. Т. XIV. Кн. 11. 434 с.
21. Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования 1804–1904. В 4 т. Казань, 1902–1904. Т. 1. 520 с.
22. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919: материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Пг.: 2-я Государственная тип. Т. 1: 1819–1835, 1919. 760 с.
23. Кунцын А.П. Право естественное. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. 135 с.
24. Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб.: Типография 2-го Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1857. 236 с.
25. Сборник постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. Т. 1. 909 с.

Статья поступила в редакцию 25.07.18

После доработки 23.10.18

Принята к публикации 21.01.19

At the Origins of the University Education System in Russia

Vasily N. Ponomarev – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., e-mail: vnponomarev.msu@mail.ru
Moscow State University, Moscow, Russia

Address: 1, Leninskie gory str., Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article examines the history of the formation and development of University education in Russia during the reign of Alexander I. The author analyzes the key legislative acts and statutes of the Russian universities created in 1802–1805, as well as the reorganized in 1819 University of St. Petersburg. The article dwells on the history of Dorpat, Vilnius, Kharkiv, Kazan, and St. Petersburg Universities during the period of Alexander I's reign. It is shown that as a result of the activities of the Emperor and his associates, a progressive harmonious system of education and higher education was created. The author traces how the educational policy began to change due to radically changed views of Alexander I in the last decade of his reign, which resulted in the clericalization of higher education, public education in general. The traditions initiated by M.V. Lomonosov were

halted by the obscurantists and mystics. The universities were treated as hotbeds of freethinking, moral depravity, and philosophy was demonized as a source of spiritual contagion.

Keywords: Russian universities, Alexander I, educational policy, Ministry of Public education, education system, philosophy teaching, M.L. Magnitsky, A.N. Golitsyn

Cite as: Ponomarev, V.A. (2019). [At the Origins of the University Education System in Russia]. *Vysshee pbrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28. No. 2, pp. 144-158. (In Russ., abstract in Eng.)

DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-2-144-158>

References

1. Shevyrev, S.P. (1855). *Istoriya Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu ordinarnym professorom russkoi slovesnosti i pedagogiki Stepanom Shevyrevym: 1755*. Moscow: Universitetskaya tipografiya. XII, 584 p. (In Russ.)
2. Sukhomlinov, M.I. (1866). *Materialy dlya istorii obrazovaniya v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I*. Vol. 1, 2. St. Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo, 1866. Vol. 1, 164 s. Vol. 2, 220 s. (In Russ.)
3. Rozhdestvenskiy, S.V. *Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII-XIX vekakh*. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova. Vol. 1, 680 p. (In Russ.)
4. *Istoriya Moskovskogo universiteta*. In 2 vol. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1955. Vol. 1, 563 p. Vol. 2, 456 p. (In Russ.)
5. Belyavskiy, T.M. (1955). *Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta*. Moscow: Moscow Univ. Publ. 312 p. (In Russ.)
6. Petrov, F.A. (2003). *Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii*. In 4 vol. Moscow: Moscow Univ. Publ. Vol. 1, 416 p.; Vol. 2, 816 p.; Vol. 3, 479 p.; Vol. 4, 464 p. (In Russ.)
7. *Ocherki istorii rossiiskogo obrazovaniya: k 200-letiyu Ministerstva obrazovaniya Rossijskoj Federatsii*. In 3 vol. (2002). Moscow: Moscow State Univ. of Printing Art Publ. Vol. 1, 352 p.; Vol. 2, 315 p.; Vol. 3, 228 p. (In Russ.)
8. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo ob obrazovanii XIX – nachala XX veka*. In 3 vol. (2017). Moscow: Publ. House of Higher School of Economics, 2017. Vol. 1, 832 p. (In Russ.)
9. Andreev, A.Yu. (2009). *Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX vv. v kontekste universitetskoj istorii Evropy*. Moscow: Znak Publ., 648 p. (In Russ.)
10. Karamzin, N.M. (1991). *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh*. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ. 127 p. (In Russ.)
11. Platonov, O.A. (1996). *Istoricheskii slovar' rossiiskikh masonov XVIII-XX vekov*. Moscow: Arina Publ. 126 p. (In Russ.)
12. Klyuchevskiy, V.O. (2008). *Istoricheskie portrety*. Moscow: EKSMO Publ. 534 p. (In Russ.)
13. Sokolovskaya, T.O., Lotareva, D.D. (2007). *Tainye arkhivy russkikh masonov*. Moscow: Veche Publ. 490 p. (In Russ.)
14. Khoteenkov, V.F., Cherneta, V.G. (2002). [The First Minister of the Public Education of the Russian Empire]. In: *Essays on the History of Russian Education: In 3 vol*. Vol. 1. Moscow: Moscow State Univ. of Printing Art Publ. 352 p. (In Russ.)
15. Pavlov, A.T. (2017). *Filosofskoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii*. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. 380 p. (In Russ.)
16. Semevskiy, V.I. (1908). [Decembrists. Freemasons]. *Minuvshie gody* [Years Past]. St. Petersburg, no. 5-6, p. 463. (In Russ.)

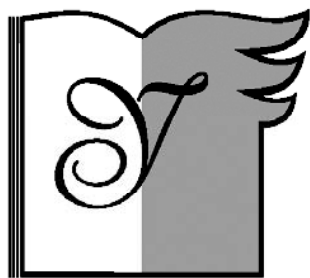
17. Zagoskin, N.P. *Istoriya Imperatorskago Kazanskago universiteta za pervyja sto let ego sushchestvovaniya 1804-1904*. Vol. 1-4. Kazan': Tipo-litogr. Imp. kazanskogo un-ta, 1902-1904. Vol. 2. 727 p. (In Russ.)
18. *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. (1864). Vol. 1. *Tsarstvo- vanie imp. Aleksandra I. 1802-1825*. St. Petersburg: Tipografija imperatorskoj Akademii nauk. 909 p. (In Russ.).
19. Sukhomlinov, M.I. (1889). *Issledovaniya i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniyu*. In 2 vol. St. Petersburg: Publ. by A.S. Suvorin. Vol. 1. 671 p. (In Russ.)
20. Chumikov, A.A., Chumikov, A.P. (1875). [Mikhail Leont'evich Magnitskiy. New Facts and His Features. 1829-1834]. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity]. Vol. XIV. Book 11. 434 p. (In Russ.)
21. Zagoskin, N.P. *Istoriya Imperatorskago Kazanskago universiteta za pervyja sto let ego sushchestvovaniya 1804-1904*. Vol. 1-4. Kazan': Tipo-litogr. Imp. kazanskogo un-ta, 1902-1904. Vol. 1. 520 p. (In Russ.)
22. *Sankt-Peterburgskiy un-t v pervye sto let ego deyatelnosti. 1819-1919: Materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo un-ta*. Petrograd.: 2-ya Gosudarstvennaya tip. Vol. 1: 1819-1835, 1919. 760 p. (In Russ.).
23. Kunitsyn, A.P. (1818). *Pravo estestvennoe*. St. Petersburg: Tip. Ios. Ioannesova Publ. 135 p. (In Russ.)
24. Korf, M.A. (1857). *Vosshestvie na prestol imperatora Nikolaya I*. St. Petersburg: Tipografiya 2-go Otdeleniya sobstvennoi E. I. V. kantselyarii. 236 p. (In Russ.)
25. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya*. (1864). [Collection of Decrees of the Ministry of Public Education]. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk. 909 p. (In Russ.)

The paper was submitted 25.07.18

Received after reworking 23.10.18

Accepted for publication 21.01.19

Журнал
"Университетское управление:
практика и анализ"

umj.ru

Миссия журнала – совершенствование управления университетами в современных условиях на основе публикации исследований и популяризации практического опыта успешных управленческих команд.

Журнал включен Thomson Reuters совместно с Научной электронной библиотекой (eLibrary) в коллекцию российских научных журналов в составе базы данных RSCI (*Russian Science Creation Index*) на платформе *Web of Science*.

Журнал входит в базу научных российских журналов на платформе eLibrary, в обыкновенный перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендуемых ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, а также в международные базы научных журналов EBSCO Publishing, WorldCat, BASE – *Bielefeld Academic Search Engine*.